

ВОПРОСЫ ЛОГИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

М. А. Варшавчик

Одним из направлений изучения методологии и методики историографического творчества является подход к ним с логических позиций. За последние годы в советской литературе необычайно возрос интерес к проблемам логики исследования во всех науках, появился и ряд работ, посвященных логике исторического исследования¹. Правда, эти проблемы разрабатывают пока больше философы-логики, чем историки. И, возможно, именно потому, что сами историки логикой своей науки занимаются мало, многие специфические вопросы историографического творчества не нашли освещения в логическом плане, а историческая наука в разработке своего логического аппарата отстала от многих других, особенно естественных, наук. К числу вопросов логики исторического исследования марксистско-ленинская методология позволяет отнести и вопрос о логической функции исторического источника. Естественно, что такой подход к источнику не заменяет его онтологического изучения — изучения по существу, реализуемого каждым историком в ходе научного исследования. Но и изучение источника в логическом плане, несомненно, необходимо, поскольку раскрывает его место в структуре исторического исследования, характер операций, претворяемых ученым с источником, позволяет по-новому увидеть старые и выявить новые задачи источниковедческой работы.

Известно, что научное исследование проходит через три главных этапа: постановка проблемы; накопление фактического знания; создание теории изучаемого предмета, системы выводов. Иначе говоря, каждое научное исследование содержит три элемента: проблема — факт — система². В этом отношении историческое исследование ничем не отличается (во всяком случае, не должно отличаться, хотя немало исторических работ, завершаясь на второй ступени, страдает отсутствием выводов и обобщений) от исследований в области других наук. Историк также начинает с постановки проблемы, затем «собирает материал», накапливает фактические знания, после чего переходит к объяснению имеющихся в его распоряжении фактов, к их обобщению, к выводам. В исторической науке, как и во всякой другой, факты являются «воздухом» ученого, тем базисом, фундаментом, на котором воздвигается теория изучаемого предмета.

Однако способы получения фактического знания в исторической науке специфичны. В науках, изучающих протекающие, современные

¹ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М. 1961; В. В. Колосов. Факты и их роль в историческом исследовании. «Український історичний журнал», 1963, № 2; И. С. Конон. Неопозитивизм и вопросы логики исторического исследования. «Вопросы истории», 1963, № 9; В. Н. Орлов. Роль научного описания в историческом исследовании. «Философские науки», 1966, № 1 и др.

² См. «Логика научного исследования». М. 1965, стр. 14 и др. Конечно, в реальном познавательном процессе все эти три этапа, три элемента взаимопроницающи и не так различимы, как в абстрагированной схеме. Но их логическое вычленение помогает исследовать процесс научного познания и его структуру.

ученому процессы, исследователь имеет возможность непосредственного наблюдения над ними. Историк же такой возможности лишен, он имеет дело с процессами и явлениями прошлого. Конечно, получение фактического знания через непосредственное, чувственное восприятие, как это имеет место в экспериментальных науках, невозможно не только в исторических, но и во всех так называемых теоретических отраслях знания, от теоретической физики до общественных наук: например, в политической экономии исследователь имеет дело с категориями, не поддающимися визуальному наблюдению, чувственному восприятию. Да и в экспериментальных науках чем выше уровень их развития, чем более глубоко проникают они в тайны мироздания, тем с большей условностью можно говорить о непосредственности наблюдения. Но во всех науках, где исследователь имеет дело с современными ему процессами, он может проверить истинность полученных им фактических знаний, их достоверность путем если не повторения эксперимента (как, например, в ряде областей физики, химии, биологии и т. п.), то, во всяком случае, повторного наблюдения объекта. Историк же, изучающий процессы необратимые, вынужден пользоваться лишь историческими источниками — единственными свидетелями дел минувших. Этим объясняются и неослабевающий интерес историка к источнику, его природе, свойствам и самое существование источниковедения. В современном мире, пожалуй, все крупные, ведущие науки окружены целыми гнездами наук-спутников, специальных научных дисциплин, снабжающих ее методами изучения реального мира и получения фактического знания. Многие из этих дисциплин пригодны для ряда наук, но с источниковедением, как и с самими источниками, приходится иметь дело только исторической науке³.

Рассмотрим подробнее место исторического источника в системе исторического исследования. Как единственный носитель фактической информации — а именно таковым он является в силу специфичности исторической науки, — источник служит свою службу на всех этапах исторического исследования. Первым из них выступает постановка проблемы исследования. Пути возникновения новой научной проблемы в целом изучены довольно обстоятельно, хотя главным образом на материалах естественных наук⁴. Весь путь развития наук — это путь постановки и решения все новых и новых проблем. Они возникают тогда, когда имеющихся знаний оказывается недостаточно для объяснения новых фактов, когда между опытом и знанием возникают противоречия, требующие совершенствования последнего для объяснения опыта и разрешающиеся путем развития знаний, лишь в своем обновленном, усовершенствованном виде способных дать объяснение новому опыту. Каждая новая проблема возникает как определение области непознанного. Проблема, подчеркивают исследователи, — это не просто незнание, а знание о незнании. И чем более совершенны знания, чем более развита теория, тем большие пласты непознанного она способна обнаружить, тем больший объем нового опыта способна осмыслить. Именно на основе обобщения громадного практического опыта постоянно развивается и обогащается марксистско-ленинская теория.

В ходе развития знаний о прошлом человечества мы непрерывно сталкиваемся с фактами, требующими осмысления, объяснения с марксистско-ленинских позиций, иначе говоря, ставящими перед историками новые проблемы. Но в исторической науке речь идет не столько о новых

³ Различные памятники прошлого — вещественные, письменные, лингвистические и др. — изучаются не только в истории, но и в ряде других наук, от палеонтологии и геологии до истории языка и литературы, везде, где исследователю приходится встречаться с ретроспективой. Но и в этих науках ученые, поскольку они исследуют прошлое, тоже выступают как историки в своей специфической области.

⁴ Одна из последних работ по этой тематике: Е. Жариков. Научный поиск. Киев. 1967. См. также библиографию в этой работе.

общественных явлениях, не бывших ранее, сколько о явлениях бывших, но оставшихся нам прежде неизвестными, то ли потому, что не были известны источники, их отразившие, то ли потому, что несовершенны были прежние методы получения информации из источников. Сказанное, конечно, вовсе не означает, что проблемы в исторической науке возникают в результате случайного обнаружения источников и что источник, дающий новую информацию, всегда выступает возбудителем новой проблемы. В науке вообще возникновение проблем диктуется общественными потребностями. В исторической науке в силу значимости ее социальной функции связь новых проблем с потребностями общественного развития, с жизненными интересами людей, различных классов и групп этот «социальный заказ» ощущается особенно остро. Люди испытывают потребность при решении стоящих перед ними задач обратиться к опыту прошлого, взять его себе на вооружение. В постановке проблемы, определении ее актуальности сказывается партийность исторической науки, открыто провозглашаемая марксистами и всячески маскируемая наукой буржуазной. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» с особой силой подчеркнуты те задачи и намечены те проблемы, которые встают перед советскими историками на современном этапе общественного развития и прогресса научных знаний. Новый источник (или новая информация, полученная из уже известного источника) тогда и может вызвать к себе серьезный интерес и выдвинуть научную проблему, а не послужить только поводом для создания мало-значущих, хотя бы и занятных, безделушек эссеиста, когда объяснение фактов, сообщаемых источником (или комплексом источников), приобретает общественное звучание. Из социальной обусловленности новой проблемы вытекает и то весьма частое явление, когда историк обнаруживает не вообще новый источник или новую информацию в старом, а по-новому подходит к уже ранее известным фактам (источникам), находя в них то, что у предшественников не вызывало интереса. Само становление советской исторической науки, разработка ее проблематики были связаны как с открытием доступа к источникам, находившимся до Великой Октябрьской социалистической революции за семью печатями, так и с новым прочтением тех источников, которые дворянско-буржуазными историками использовались лишь в свете их концепций.

Интерес к непознанному перерастает в постановку научной проблемы лишь при наличии реальных условий для ее решения. Само установление исследователем исторического факта, выдвигающего научную проблему, даже при ее актуальности еще не выступает как достаточное основание для объяснения этого факта и для надежных, достоверных выводов. В каждой науке исследователь идет от одного факта к другим, от единичных фактов к их совокупности, накапливая научное фактическое знание, достаточное для вскрытия закономерностей изучаемого объекта. Возможность получения совокупности фактов — неотъемлемое условие их научного объяснения. В исторической науке одним из главных, если не самым главным условием решения новой проблемы и в значительной мере самой ее постановки является наличие необходимых источников. Возможности историка в разработке новой проблемы более ограничены, чем возможности представителей других наук, ведущих непосредственное наблюдение. Никакое интуитивное предчувствие, никакие догадки, никакая субъективная уверенность в том, что те или иные события имели место, не могут служить достоверным основанием для выводов, если не сохранились источники, их подтверждающие, или если эти источники по каким-либо причинам недоступны. Поэтому, опираясь на косвенные данные, ставя перед собой ту или иную задачу и понимая ее общественную значимость, историк неизбежно вынужден считаться с наличием или отсутствием источников.

И если он их не обнаруживает, как бы это ни было огорчительно, на данном уровне развития науки проблему невозможно ни поставить, ни разрешить. Итак, место источника как условия постановки и решения научной проблемы очень велико уже на первом этапе исторического исследования. Но особенно отчетливо выступает функция исторического источника в структуре исторического исследования на втором его этапе — при накоплении фактического знания.

Не вдаваясь подробно в рассмотрение самой природы факта, привлекающей в настоящее время пристальное внимание как советских, так и зарубежных ученых, остановимся на ней лишь в той мере, в какой это нужно для выяснения места источника в формировании фактического исторического знания. В литературе можно встретить различные толкования понятия «факт». И. С. Кон отмечает, что в одних случаях слово «факт» употребляется как синоним слова «событие» («битва при Ватерлоо — исторический факт»), в других — как синоним слова «свидетельство», «материалы» («собрать факты о Французской революции»), как подтверждение истинности данного суждения («этот рассказ основан на фактах») ⁵. П. В. Копнин в принадлежащей ему главе коллективной монографии о логике научного исследования следующим образом определяет различные значения понятия «факт»: «Фактом называют сами явления, вещи и события; фактами считают наши ощущения и восприятия вещей и их свойств; наконец, под фактом разумеют неопровержимые теоретические положения, которыми хотят что-то доказать или опровергнуть» ⁶. Сведя эти различные толкования понятия «факт» к основным, мы можем сказать, что фактом принято называть, во-первых, самое явление, событие (иногда очень сложное по своей структуре, содержащее множество составляющих); во-вторых, отражение этого события, явления в сознании — «идеальную модель объективного события» ⁷. В первом случае факт есть одно из звеньев реального исторического процесса (назовем эту категорию факта «факт-событие»), во втором — форма человеческого знания, его элемент («факт-знание»).

Во всех науках между фактом-событием и фактом-знанием существует прямая связь, прямая в том смысле, что факт-знание есть отражение факта-события. Материалистическое понимание истории утверждает наличие такой связи и в исторической науке: история человечества есть закономерная цепь возникновения, развития, отмирания, рождения и развития новых общественных явлений, событий, процессов, а историческое знание есть их отражение в сознании. Во многих науках факт-событие и факт-знание связаны между собой не только прямо, но и непосредственно, в том смысле, что между субъектом (исследователем) и объектом изучения не стоит никакой другой субъект, предлагающий для изучения свое знание об объекте взамен самого объекта. В исторической науке такой непосредственной связи нет: между субъектом и объектом изучения стоит источник. Источник же представляет собой отражение событий в сознании его автора, то есть знание другого субъекта (автора источника) об объекте изучения. Историк вынужденно имеет перед собой не самое событие, наблюдает не его, а лишь его отражение в источнике, воплощающее в себе первичное знание о предмете, само по себе еще не являющееся элементом научного исторического знания. Историк и не берет первичное знание как готовое, он лишь обращается к нему, чтобы составить свое, научное знание о предмете изучения. Таким образом, в гносеологическую цепь «факт-событие» —

⁵ И. С. Кон. *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли*. М. 1959, стр. 238.

⁶ «Логика научного исследования», стр. 16.

⁷ В. В. Косолапов. *Указ. соч.*, стр. 80.

«факт-знание» неизбежно вплетается третье, промежуточное звено — факт в отражении источника, которое мы назовем «факт-источник». И, следовательно, гносеологическая цепь в исторической науке окажется состоящей из трех звеньев: «факт-событие» — «факт-источник» — «факт-знание». (Конечно, в тех случаях, когда ведется специальное изучение самого источника, а не отраженных им явлений, ученый непосредственно наблюдает его. Но об этих специфических задачах работы с ним мы скажем дальше.) Наличие опосредующего звена в процессе познания свойственно многим современным наукам. Например, физик, изучающий частицы высоких энергий, чаще всего лишен возможности непосредственного наблюдения; познание исследуемого объекта осуществляется им путем изучения тех или иных реакций других объектов на «поведение» первого (реакция среды и т. д.). Но лишь в исторической науке между ученым и объектом его исследования находится другой субъект (создатель источника). Эта специфичность исторической науки характеризует лишь своеобразие процесса исторического познания, путей образования исторического знания. Она ни в коей мере не может служить поводом для отрицания объективной природы последнего, ибо в основе факта-источника как первичного знания лежат реальные события, а обширный арсенал источниковедческих приемов, которыми располагает исследователь, позволяет установить степень достоверности, истинности первичного знания, отбросить то, что в нем является неистинным, ложным. Таким образом, в основе научного исторического знания, как и в основе всякого знания, лежит объективная реальность, хотя и дошедшая до исследователя через исторический источник. Приведенные сообщения позволяют уточнить ответы на два источниковедческих вопроса, встречающих различные толкования: о самом понятии «исторический источник» и понятии «совокупность фактов».

Все названные выше категории факта имеют сходные черты и различия. Основное их сходство состоит в том, что и факт-событие, и факт-источник, и факт-знание инвариантны: они объективны и постоянны относительно всех возможных совершаемых с ними логических операций, их содержание не зависит от тех выводов, которые на их основе делает историк, они к ним «безразличны». Фактам можно дать разные толкования, их можно по-разному интерпретировать, но при любых выводах, при любом толковании содержание их не меняется. В случае фальсификации данные факты исчезают, умирают; фальсификатор пользуется уже не этими фактами, а другими, сконструированными искусственно ложными. Фальсификация — смерть фактов, а значит, и смерть науки. В этом смысле мы и говорим, что факты — «упрямая вещь». Но на этом, собственно, сходство всех трех категорий факта кончается, дальше выступают их различия.

Наиболее резко различаются факты-события и факты-знания, стоящие на противоположных концах гносеологической цепи. Это различие — различие объективной реальности и сознания, и оно настолько очевидно, что не заметить его невозможно. Что касается факта-источника, который в данном случае нас больше всего интересует, то у него есть черты, как сближающие его и с фактом-событием и с фактом-знанием (с каждым в отдельности), так и отличающие его от последних. С фактом-событием факт-источник роднит то, что и тот и другой возникают и существуют независимо от субъекта — исследователя. В силу этого, а также в силу того, что источник является единственным свидетельством исторического события, на практике их часто не различают, подразумевая под изучением исторических фактов сбор и изучение источников. Но факт-источник не адекватен факту-событию, во-первых, потому, что источник есть абстрагированное выражение события; жизненное явление, абстрагируясь в источнике, приобретает словесную (ве-

щественную и др.) форму. Во-вторых, по своему содержанию источник всегда беднее события, не может исчерпать его «до конца». Здесь сказывается и относительность знаний людей—авторов источника—и то, что абстракция всегда, на любом своем уровне, беднее конкретной действительности: недаром К. Маркс говорил о восхождении от абстрактного к конкретному⁸. Факт-источник имеет сходные черты и с фактом-знанием, поскольку факт-знание—тоже абстрагированная форма факта-события, тоже отражение последнего в человеческом сознании. И факт-источник и факт-знание образуются в результате практической деятельности человека, в результате познания человеком действительности. Из-за известного сходства факта-источника и факта-знания их не только смешивают подчас в практике исследовательской работы, но немалую трудность составляет самое определение источника, выработка такой дефиниции, которая выражала бы его строгую логическую определенность. Наиболее распространенное в литературе, традиционное определение источника как всякого памятника прошлого, отражающего ту или иную сторону человеческой деятельности, указывает на отличие источника от события (источник *отражает* событие). Но это определение не содержит в себе универсального критерия, позволяющего отделить источник от пособия (то есть исследования, литературы), в котором в качестве его составной части входят факты-знания и которое таким образом тоже отражает ту или иную сторону человеческой деятельности⁹.

Не вносит ясности и трактовка источника как «всякого памятника». Что, собственно, означает слово «памятник»? Если понимать его как сохранившийся элемент прошедших событий, то тогда в разряд памятников попадает лишь часть источников, так называемые исторические остатки, ибо исторические традиции (повествовательные источники) такими памятниками, очевидно, не являются. Если же под памятниками понимать всякое отражение событий прошлого, всякое их абстрагированное выражение, то тогда в разряд памятников включаются и пособия, содержащие в себе факты-знания. Не проясняет дела и определение понятия «памятник» как современника событий: пособия нередко более современны событиям, ближе к ним по времени создания, чем некоторые источники. Так, и сейчас появляются воспоминания о Великой Октябрьской социалистической революции, о гражданской войне, о других событиях прошлого, и, выходя после написания многих исследований, они вовсе не утрачивают свойств источника. Можно было бы привести множество примеров, когда в практике нечеткость бытующего определения источника приводит к смешению источников и пособий, когда в число источников включаются материалы, не являющиеся таковыми. Из-за этой же нечеткости вне поля зрения исследователя нередко остаются материалы, могущие служить источниками.

Для уточнения понятия «источник» выделим то, что отличает факт-источник от факта-знания. Попадая под наблюдение исследователя, факт-источник претерпевает в ходе источниковедческой критики ряд логических операций. В процессе формирования научного фактического знания происходит дальнейшее, вторичное абстрагирование событий, приобретающих теперь уже форму научного исторического описания и в этой форме включаемых в исследование. Конечно, внешне описание

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 727.

⁹ Без новых фактов не может быть нового знания. Но новые выводы, новые знания опираются не только на новые факты, а и на старые знания, на предшествующие достижения науки. Эта структура нового знания и обуславливает деление всего материала, которым располагает историк, на исторические источники, дающие новые факты, и на исторические пособия (литературу), отражающие предшествующие достижения науки. Различие в эвристических функциях тех и других, в их значении для получения нового знания, в методах их использования не допускает их смешения в практике исследовательской работы.

может вылиться не только в авторское изложение событий, но и в цитирование источников с сохранением их формы. Но в целом научное описание, содержащее количественно-качественные характеристики изучаемых процессов, лишь опирается на источники, а не повторяет их и воссоздает гораздо более полную, чем источники, систематизированную, упорядоченную картину событий¹⁰. Различна также та практика, результатом которой явилось образование факта-источника, как и та, в результате которой формируется научное фактическое знание. Первый складывается в процессе непосредственного общения людей с явлениями, в нем отраженными, фактическое же знание создается в ходе практической деятельности исследователя, лишенного возможности непосредственного наблюдения изучаемых явлений.

Отмеченные различия в характере и путях образования фактов-источников и фактов-знаний, место и функция факта-источника в гносеологической цепи «факт-событие» — «факт-источник» — «факт-знание» позволяют предложить следующую формулировку понятия «источник»: исторический источник есть абстрагированное в определенной форме (письменной, вещественной, устной и др.) непосредственное отражение явлений реального исторического процесса. Иначе говоря, под историческим источником следует понимать не «всякий памятник», а памятник прошлого, непосредственно отражающий исторические факты. Если к тому же исходить из коренного принципа марксистско-ленинского источниковедения, рассматривающего источник как общественное явление, как продукт определенных общественных отношений, то можно констатировать, что исторические источники — это памятники прошлого, непосредственно отражающие явления реального исторического процесса через призму общественных отношений и взглядов людей, выступающих авторами источников.

Деление всего исторического материала на источники и неисточники в известной мере условно. Не в том, так в ином аспекте любой памятник человеческой деятельности, любой ее след может служить источником. Так, историческое пособие не может служить источником для изучения событий, составляющих предмет его исследования, но оно непосредственно отражает авторскую концепцию, тенденцию, более или менее типичную для эпохи своего создания, и может служить источником для изучения общественных идей, взглядов, настроений этой эпохи. Сказанное относится не только к исторической, но и ко всей научной, политической, художественной литературе в той мере, в какой она своей тенденцией отражает общественную идеологию и психологию, хотя в качестве исторического источника используется, к сожалению, редко. Таким образом, устанавливая характер того или иного материала, как источника или неисточника, мы не вообще лишаем его возможности служить источником, но лишь определяем, может ли он служить таковым в данном, конкретном аспекте, для изучения данной конкретной проблемы. Но применительно к задачам изучения этой конкретной проблемы определить характер того или иного материала необходимо.

Но здесь, очевидно, следует остановиться на возможных возражениях против предлагаемого нами определения источника, в частности

¹⁰ Здесь происходит любопытный процесс. Источник, как мы уже отмечали, в содержательном отношении беднее события, им отражаемого. Но в ходе источниковедческой критики, устанавливающей достоверность и полноту источника, воссоздающей связи между источниками, соответствующие объективным связям реальных явлений и процессов, то есть в ходе формирования научного фактического знания, преодолевается (по мере возможности) неполнота, односторонность, разорванность источников. Поэтому фактическое знание, хотя оно и строится на базе источников, содержательно богаче последних, а научное описание как форма фактического знания полнее источников, своим содержанием ближе к объективному течению событий, чем отдельно взятый источник.

против утверждения о том, что именно непосредственность отражения событий является его отличительной чертой. Эти возражения могут идти с двух сторон. С одной стороны, на первый взгляд может показаться, что не все источники непосредственно отражают события, что авторы таких источников не всегда были непосредственными наблюдателями событий, о которых они повествуют. Но в том-то и дело, что именно критерий непосредственности отражения помогает разобраться в структуре источника, иногда весьма сложной и пестрой по составляющим его элементам. Возьмем, к примеру, летописи, которые, конечно, нельзя в целом считать продуктом непосредственного наблюдения их авторами описываемых событий. Однако в летописях мы можем выделить разнохарактерные составные части: а) прямо включенные в них более ранние источники (например, «Русская правда» в краткой редакции, договоры X в. Руси с греками и др.); б) записи событий, современником или очевидцем которых был автор-летописец, сделанные на основе непосредственного наблюдения; в) историческое изложение, построенное на других источниках, настолько обработанных, напичканных интерполяциями, что собственно источником оно может служить лишь для изучения взглядов его автора, непосредственно отражающих только определенную идеологию своего времени, но не для изучения описываемых событий (например, лицевой летописный свод, созданный при дворе Ивана Грозного на основе более ранней «Никоновской летописи»). В мемуарах, первоисточником для которых послужила не только память автора, но и другие источники, пользуясь критерием непосредственности отражения, мы можем выделить те части изложения, которые представляют историко-ведческий интерес, и те, которые ничем, по существу, не отличаются от исследования и как источник интереса не представляют.

С другой стороны, возражения против нашего определения источника могут сводиться к тому, что непосредственность отражения событий свойственна не только источникам, но и пособиям, и вытекать из традиционного деления источников на исторические остатки и историческую традицию, по степени их близости к отражаемым событиям. Некоторые авторы рассматривают историческую традицию как источник, лишь передающий факты своим сюжетом; в историческом же остатке они видят, с одной стороны, отражение фактов, о которых в нем идет речь (и в этом качестве относят его к традиции), с другой — определяют его самого как факт истории, непосредственно наблюдаемый ученым, и отождествляют таким образом факт-источник и факт-событие. Так, Г. М. Иванов (мы ссылаемся на него потому, что он выражает довольно распространенную точку зрения) пишет: «Если, например, историк исследует политику Советского государства, то для него такой источник, как решения съезда Советов, является историческим остатком, непосредственно воспринимаемым историческим фактом. Но если историк использует конкретные данные этого источника о развитии промышленности и сельского хозяйства, то перед ним уже не сам исторический факт, воспринимаемый непосредственно, а отражение факта в решении съезда Советов»¹¹. При всей условности деления источников на остатки и традиции, которую подчеркивает и Г. М. Иванов, здесь обращает на себя внимание трактовка источника-остатка как исторического факта, непосредственно воспринимаемого историком. Условность деления источников на остатки и традиции имеет место, и она станет еще яснее, если мы и в исторической традиции увидим тот аспект, в котором она выступает как исторический остаток. Мемуары — классическая традиция — интересны, например, не только тем, о чем говорит автор. Выход мемуаров является также фактом биографии их автора, его концепция

¹¹ Г. М. Иванов. К вопросу о своеобразии исторического познания. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1963, стр. 17.

непосредственно отражает определенные отношения, взгляды эпохи создания мемуаров, их появление вызывает ту или иную общественную реакцию, и во всех этих аспектах мемуары следует отнести к историческим остаткам. Точно так же газетная корреспонденция по отношению к освещенным в ней событиям есть традиция, но как отражение общественной реакции на это событие выступает в качестве исторического остатка. Как видим, деление источников на исторические остатки и историческую традицию действительно условно. Но нас в данном случае интересует не столько вопрос об отличиях остатков от традиций, сколько утверждение, что исторический остаток есть непосредственно воспринимаемый историком факт. Это утверждение представляется неточным.

Всякий исторический источник есть общественное явление, исторический факт; в качестве такового он непосредственно предстает как предмет изучения, но изучает его в этом качестве не собственно историческая наука, а ряд вспомогательных, специальных исторических дисциплин. Как исторический факт, составляющий предмет изучения, он воспринимается лишь на той ступени работы исследователя, на которой последний специально изучает эту форму и либо ограничивается ее анализом (например, с позиций документоведа), либо стремится преодолеть противоречие между формой и содержанием, выявить истинное содержание источника для получения научного фактического знания (например, с позиций источниковеда). Предметом же изучения исторической науки является не сам источник, а те отношения, которые стоят за ним, те факты-события, которые он отражает. Не вещи, а люди, их деятельность, которая отражается в вещах — в документах, в других памятниках прошлого, — составляют предмет изучения для историка. Исторический остаток, документ «в жизни», в своей служебной субстанции представляет собой элемент изучаемых событий, но он лишь форма, в которую вылилось, в которой выразилось определенное человеческое действие. В приведенном выше примере с решениями съезда Советов фактом политики Советского государства, политической акцией государства и, следовательно, предметом изучения историка является не документ, а принятие определенного решения. Документ же лишь отражает политическую акцию и выступает источником, через посредство которого она познается. Не только документы, но и наиболее характерные исторические остатки типа вещественных памятников тоже выступают в структуре исторического исследования не как самодовлеющие исторические факты, а как их отражение. Не соха, не плуг, не трактор, не комбайновый агрегат и т. п. суть исторические факты как предметы изучения для историка (даже для историка техники), а тот уровень общественных отношений, в том числе уровень развития производства, который за ними стоит и в них отражается¹². Человеческая деятельность прошлого непосредственно отражается только в исторических источниках, в чем и состоит отличие последних от исторических пособий.

Наряду с понятием «исторический источник» уточнения с логических позиций требует, как нам кажется, и понятие «совокупность фактов», служащее историка фундаментом для выводов и обобщений. О необходимости опираться в выводах не на отдельные, вырванные, разрозненные факты, а на их совокупность пишут сейчас много. Редкий автор, занимающийся проблемами марксистско-ленинской методологии и методики исторического исследования, не напоминает о ленинском требовании учета всей совокупности фактов без единого исключения, сформулированном в известной статье В. И. Ленина «Статистика и социология».

¹² Из сказанного здесь вытекает, между прочим, еще одно положение. Если учесть различие в предмете самой исторической науки и предмете специальных исторических дисциплин, то видно, что последние строятся на непосредственном наблюдении объектов изучения (источников), тогда как собственно историческая наука возможности непосредственного наблюдения лишена.

Напоминания об этом далеко не излишни, они помогают преодолению иллюстративности, недостаточной доказательности исторических исследований. Однако имеющийся анализ понятия «совокупность фактов», его содержания далеко не полон. Между тем, как мы попытаемся показать, от определения этого понятия зависит решение весьма важного вопроса о методах, путях образования совокупности фактов, или, иначе говоря, о методах обследования и отбора исторических источников.

Прежде всего о каких фактах идет речь, когда мы говорим об их совокупности как о фундаменте для выводов (ведь мы знаем три категории факта)? Ответ в целом становится ясным уже из приведенной выше характеристики структуры исторического исследования. Фундаментом, основой для выводов во всякой науке и, конечно, в исторической, служит фактическое знание, или, иначе, совокупность научных фактов, фактов как элементов научного знания, ступени в процессе научного познания («фактов-знаний»). Совокупность этих фактов составляет эмпирический базис всякого исследования и науки в целом. И, несомненно, в ленинском требовании установить «такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было опираться»¹³, речь идет именно о научных фактах, фактах-знаниях. Но не ограничимся этим дедуцированным выводом. Допущение, что в требовании установления совокупности фактов речь идет о фактах-событиях, о самих исторических явлениях, отпадает сразу: В. И. Ленин подчеркивает мысль о точности и бесспорности фактов. А говорить о достоверности (то есть точности и бесспорности) можно только применительно к человеческим знаниям, имея в виду их соответствие реальным событиям, явлениям. По отношению к последним критерий достоверности вообще не применим: они не могут быть ни истинны, ни ложны, они существуют объективно, независимо от людей, их познающих: достоверными или же недостоверными могут быть лишь знания о фактах-событиях.

Но, может быть, в требовании установления совокупности фактов речь идет о фактах-источниках? Ведь по отношению к ним тоже применим критерий достоверности. Рассмотрим этот вопрос подробнее, ибо многие именно так и понимают «совокупность фактов». Поскольку историк наблюдает не сами жизненные факты, а их отражения в источниках, то есть в передаче других лиц, обеспечение достоверности научного фактического знания осуществляется дважды, проходит два этапа. Первый — это проверка достоверности исторического источника путем аналитической критики. В ходе этой проверки содержание факта как бы очищается, исследователь далее оперирует уже самим этим содержанием. Источник же, подобно ракете-носителю, отпадает, донеся содержание факта до исследователя. Однако простой набор даже «очищенных», неупорядоченное множество даже проверенных фактов еще не дают достоверной картины развития событий, достоверного фактического знания. Исследователь обязан установить место каждого факта в цепи событий, установить его генетические и структурные связи (в прошлом и настоящем, во времени и пространстве). Как уже отмечалось, в ходе образования научных фактов преодолевается односторонность, неполнота, разорванность источников, первые содержательно ближе к событиям, чем последние, достовернее последних. Научные факты — это не точные копии, слепки ни фактов-событий, ни фактов-источников (получение таких копий и невозможно и не нужно), это типизированные, обобщенные, оптимизированные отражения событий, которые служат основой для выводов. Но выступать в таком качестве они могут только в том случае, если достоверны, истинны, и эта достоверность обеспечивается (должна обеспечиваться) исследователем на втором этапе формирования научного фактического знания из отдельных

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350.

полученных из источников фактов. Итак, критерий достоверности применим и к фактам-источникам и к научным фактам. Но о каких же из них следует вести речь, когда мы говорим о ленинском требовании создания совокупности из точных и бесспорных фактов?

Прочитаем статью В. И. Ленина дальше цитированного выше положения, то есть не только ее вводную часть, но и первую главу «Немного статистики». Мы увидим, что наряду с выражением «совокупность фактов» В. И. Ленин как однозначное употребляет выражение «совокупность данных»¹⁴. И эти данные, естественно, В. И. Ленин не отождествляет с источниками, а берет, опираясь, как он пишет, на источники, которые он называет и кратко характеризует. Ленинская статья не была закончена, но сохранились подготовительные материалы к ней¹⁵. Знакомление с этими материалами показывает, каким путем сложных и разнообразных комбинационных группировок шел В. И. Ленин к получению совокупности тех данных, которые легли в фундамент его выводов «о значении и роли национальных движений и соотношении национального и интернационального»¹⁶. Весь ход ленинских рассуждений, весь его опыт работы с источниками, отразившийся в этой статье (как и в других работах, конечно), подтверждают, что фундаментом для его выводов и обобщений служила совокупность научных фактов, знаний, данных и что именно о такой совокупности идет речь в рассматриваемой статье. Понятие «совокупность фактов» есть не что иное, как понятие научного фактического знания. И всю структуру исторического исследования, весь его процесс мы можем представить себе состоящим из трех основных частей, элементов: проблема — совокупность научных фактов — выводы, обобщения.

Теперь вернемся к условиям образования совокупности фактов, или, что то же, научного фактического знания. Совокупность фактов должна отвечать двум требованиям, четко сформулированным В. И. Лениным в той же статье. Эти требования состоят в том, чтобы: а) факты учитывались в их связях и взаимозависимостях и б) брались все относящиеся к рассматриваемому вопросу факты без единого исключения¹⁷. Выполнение этих требований обеспечивает марксистско-ленинская теория, марксистско-ленинская методология. И здесь время сказать об одной очень важной особенности процесса формирования научного фактического знания: в самом этом процессе участвует теория, концепция исследователя. Процесс исторического исследования партиен на всех его этапах. На своих классовых, партийных позициях в отборе фактов, на которые они ссылаются, в толковании связей между фактами стоят и буржуазные историки. Но только марксистско-ленинская теория вскрывает объективный характер связей, взаимозависимостей научных фактов. Эти связи и взаимозависимости суть отражение связей и взаимозависимостей общественных явлений, равно как и источников, несущих информацию о последних. Марксистско-ленинская методология помогает из бесчисленного количества связей общественных явлений выделить существенные, такие, которые отражают закономерности развития этих явлений, определяют их основные черты. Содействуя выполнению этой задачи, отвечающей первой из приведенных ленинских требований, марксистская теория помогает решению и второй задачи. Вмешиваясь в создание совокупности фактов, отделяя существенные связи от несущественных, эта теория ставит границы собиранию фактов и тем самым спасает науку от самопотопления в эмпирическом море (или болоте?) бесчисленного множества фактов, ибо, рассуждая априорно, нельзя установить предел, на котором обрываются отношения, связи одного яв-

¹⁴ Там же, стр. 351.

¹⁵ См. «Ленинский сборник» XXX, стр. 280—292.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 349.

¹⁷ См. там же, стр. 351.

ления с другими. Эти связи и генетически и структурно безграничны, все явления, имеющие то или иное отношение к изучаемому предмету, нельзя ни установить, ни перечислить. Отделяя существенное от несущественного, марксистско-ленинская теория способствует образованию совокупности научных фактов, ни один из которых исследователь не может игнорировать без того, чтобы это не повлияло на конечный вывод.

У исторической науки нет никаких оснований отказываться от одного из ведущих принципов современного научного познания — принципа оптимизации знаний. Прав исследователь природы факта как логической категории В. В. Косолапов, когда пишет: «Первоначальный этап исследования — сбор фактов. Пока фактов мало, никакие обобщения невозможны. Однако излишне долгое соби́рание фактов не менее тормозит исследование, чем поспешные обобщения. Факты собираются не сами для себя, а для решения некоторой проблемы. Поэтому количество собранных фактов должно быть в каком-то смысле оптимальным. Оптимальность знания связана с отбрасыванием избыточной информации»¹⁸. Итак, для получения оптимальных знаний необходим оптимальный объем информации. Его определение сводится к установлению такого момента в соби́рании фактов, когда исследователь убеждается, что их достаточно для выведения количественно-качественной характеристики изучаемого предмета, то есть для научного описания предмета. В исторических исследованиях установление этого момента означает окончательное определение круга источников, на которых строится исследование. Говоря об оптимизации фактического знания в исторических исследованиях, мы полностью отдаем себе отчет в том, насколько сложен ответ на само собой возникающий вопрос: какова мера достаточности при отборе источников, соби́рании фактов? Теоретически такой мерой является установление существенных фактов и их отношений. Но выработка практических рекомендаций (не «рецептов», конечно, а исходных положений) упирается в сложнейшую проблему методологии исторического творчества — проблему проверки истинности исторических знаний.

Как и во всякой другой науке, критерием истины в историографии является практика, но практическая проверка полученных наблюдений и выводов здесь дело куда более трудное, чем в ряде других наук. Историк ищет подтверждения истинности своих выводов в общественно-исторической практике людей, деятельность которых он изучает. Метод ретроспективы, при котором исследователь идет от следствия к причине, знание того, что произошло вслед за изучаемыми им явлениями, позволяет ему поставить для самопроверки вопрос: объясняют ли сделанные выводы дальнейший ход событий? И если это так, если дальнейшие события естественно исторически вытекают из предшествующих в таком виде, как их понял и объяснил историк, значит, собранных историком фактов было достаточно для вскрытия закономерностей исторического процесса. Историк, далее, собирая материал, если обследование источников ведется правильными методами, сталкивается с таким моментом, когда новые источники ничего существенного к уже накопленным фактам не прибавляют. Здесь мы имеем дело с другим видом практики, служащей критерием истинности исторических знаний, — с собственно исследовательской практикой, подтверждающей истинность, достоверность добытых историком знаний. Итак, практика последующего развития исторического процесса, с одной стороны, и практика научного познания, с другой, выступают критерием истинности исторических знаний и, следовательно, критерием правильности определения оптимального объема нужной для получения достоверных знаний информации.

Установление момента, за которым дальнейшее соби́рание фактов ведет к избыточности информации, не должно происходить стихийно.

¹⁸ «Логика научного исследования», стр. 59

На определенном этапе собирательской работы, когда фронтально изучены синтезирующие источники, наиболее полно отражающие общие, существенные закономерности изучаемого предмета, этот момент можно более или менее точно предвидеть, произвольно и планомерно ограничивая круг еще не изученных, но подлежащих изучению источников. И здесь мы подходим к вопросу о методах отбора источников для изучения, или иначе — о методах наблюдения, свойственных исторической науке. Конкретные способы (методы) наблюдения разрабатываются в каждой науке, при их помощи складывается научное фактическое знание. Историческая наука не должна составлять в этом никакого исключения. Более того, разработка методов научного наблюдения, пригодных для исторических исследований, — актуальная проблема, изученная еще очень слабо. Очевидно, что методы наблюдения, отвечающие особенностям исторической науки, не могут быть простой копией методов других наук. В исторической науке, лишенной возможности непосредственного наблюдения явлений, это методы обследования и отбора источниковедческого материала. Но не следует игнорировать и методы других наук, которым также приходится сталкиваться с огромным количеством массовых явлений. Не кто иной, как В. И. Ленин, обосновал применение статистических, например, методов для изучения не только экономической стороны общественных явлений, но и этих явлений как таковых, взятых в целом, образцом чего может служить та же статья «Статистика и социология». В один ряд со сплошным, фронтальным обследованием источников с полным правом становятся и методы несплошного наблюдения (выборочного, монографическо-локального, основного массива и др.). Следует подчеркнуть, что выборочный метод не имеет ничего общего с произвольным отбором фактов. Это подлинно научный метод, применяемый в исторической науке, когда возникает необходимость изучения больших массивов сравнительно однотипных источников. Он состоит в обследовании части множества объектов с последующим распространением полученных выводов на все множество в целом¹⁹. Сочетание различных методов наблюдения позволяет получить объем исторической информации, близкий к оптимальному и может действительно обеспечить введение в научный оборот всей массы разнообразных источников, на которых строится историческая наука.

Завершающим звеном исторического исследования является выработка выводов, обобщений, создание теории изучаемого предмета. На этом этапе познания происходит теоретическое осмысление фактов, исследователь переходит от их описания к их объяснению, то есть установлению причин, сущности, законов изучаемых процессов. На этом этапе, естественно, исследователь оперирует уже не источниками, а научными фактами, выведенными на основе источников. Однако в определенный момент исследования факты нередко снова облекаются в оболочку источника. Происходит это тогда, когда исследователь прибегает к фактам (конечно, фактам-знаниям) для доказательства правильности своих выводов и положений: приводя их, он ссылается на источники. И в конце концов мы судим об убедительности выводов по добротности тех источников, на базе которых построено исследование.

Таковы некоторые соображения, возникающие при подходе к источнику с позиций логики исторического исследования. Они относятся, конечно, лишь к части проблем источниковедения, рассмотрение которых с этих позиций выглядит целесообразным. Некоторые из них можно

¹⁹ Подробнее об использовании этого метода см. в нашей статье «К вопросу об отборе историко-партийных источников» («Вопросы истории КПСС», 1966, № 3) и монографии «Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. Введение в историко-партийное источниковедение» (М. 1967, стр. 133—146); см. также А. А. Росляков. О методике выборочного обследования массовых источников. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8.

было бы назвать уже сейчас. К их числу относится проблема классификации источников. Неверно было бы рассматривать классификацию как чисто логическую задачу. Каждая научная источниковедческая классификационная система имеет право на существование, если отвечает по крайней мере двум требованиям. Во-первых, она должна опираться на существенные, внутренние присущие источникам признаки, следовательно, отражать объективный процесс образования источников, исходить из того, что более или менее однородные группы источников образуются как результат конкретных проявлений общих закономерностей образования источников и отражения ими явлений реального исторического процесса. Для этого необходимо учитывать, какова была общественная функция источника во время его создания, его служебная субстанция, чем был источник «в жизни». Во-вторых, такая классификационная система должна отвечать более или менее существенным задачам исторического исследования, ибо задача классификации подчиненная, служебная. В определении существенного признака классификации источников, как и в определении соответствия классификации задачам исследования, логика может сказать веское слово.

Перспективна также дальнейшая разработка логических основ общих принципов источниковедческой критики. Уже одно определение места критики в процессе и структуре исторического исследования может уточнить ее задачи в формировании научного фактического знания. Задачи источниковедческой критики не исчерпываются лишь проверкой достоверности отдельных источников, ее место в структуре исторического исследования больше. Определить значение источника в исследовании можно лишь в сопоставлении, в установлении его связей с другими источниками, при подборе комплекса источников, дающих оптимальный объем информации для получения научного фактического знания. И здесь источниковедческая критика, на наш взгляд, выступает как метод образования совокупности достоверных научных фактов. Из анализа процесса образования научного фактического знания в историческом исследовании вытекает и представление о двух этапах источниковедческой критики — аналитическом и синтетическом, или, вернее, о критике аналитической и критике синтетической. Первая обеспечивает достоверность источников, которыми пользуется исследователь и из которых он узнает об исторических явлениях. Вторая обеспечивает достоверность научного фактического знания. Первая имеет своим объектом отдельные источники. При этом, конечно, исследователю приходится обращаться и к другим источникам, но делается это для выяснения достоверности изучаемого источника. Вторая же имеет своим объектом комплекс источников, необходимый для получения совокупности фактов. Выделение синтетической критики как самостоятельного этапа источниковедческой работы имеет и тот практический смысл, что ориентирует исследователя на изучение объективных связей между источниками.

Специального рассмотрения требует также вопрос о логической критике источников. Нередко при отсутствии пригодных для сопоставления материалов приходится прибегать к проверке источников путем сопоставления их с логикой развития самих исторических событий. Конечно, такое сопоставление, как правило, может лишь привести к выводу, что тот или иной факт мог иметь место, то есть к выводу вероятностному, и не может заменить проверки источника источником же. Но в ряде случаев этот метод помогает отбросить гипотезы о событиях именно в силу установления их невозможности, их несоответствия логике реального развития исторического процесса.